

Е. Винокуров, А. Либман

Две евразийские интеграции*

В статье рассматриваются эволюция и взаимосвязь процессов региональной интеграции на постсоветском пространстве и в более широком пространстве евразийского континента. Выделяются основные направления евразийской континентальной интеграции с точки зрения межгосударственного взаимодействия, спонтанного формирования экономических связей и развития общей инфраструктуры. Обсуждается оптимальный формат адаптации интеграционных объединений на постсоветском пространстве к процессу евразийской континентальной интеграции, исходя из особенностей последнего на «западном» и «восточном» флангах СНГ.

Ключевые слова: международная торговля, постсоветская интеграция, евразийская интеграция, открытый регионализм.

JEL: F13, F15.

Тема евразийской интеграции вот уже два десятилетия привлекает внимание исследователей и практиков. Создание Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) перевело обсуждение в новую плоскость. В отличие от предшествующих инициатив с низкой результативностью, ТС представляет собой реально работающую структуру, существование которой почувствовали и экспортеры, и потребители. ТС и ЕЭП вызывают немало споров. Одно из ключевых разногласий, связанных с перспективой постсоветской интеграции, состоит в ее отношении как к глобализации, так и к интеграции с регионами, сопредельными с постсоветским пространством. Речь идет не только о Европейском союзе, но и о странах Азии. Нередко развитие постсоветской интеграции воспринимается как альтернатива — желательная или, как минимум, возможная — взаимодействию с внерегиональными игроками.

Винокуров Евгений Юрьевич, д.э.н., PhD (Econ), директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (Санкт-Петербург); *Либман Александр Михайлович* (alibman@yandex.ru), д.э.н., PhD (Econ), старший научный сотрудник Института экономики РАН (Москва), младший профессор Франкфуртской школы финансов и управления (Франкфурт-на-Майне, Германия).

* Авторы благодарны за комментарии участникам дискуссии в рамках секции «Евразийская интеграция» на XIII Апрельской конференции НИУ ВШЭ, Москва, а также В. А. Ясинскому, но несут полную ответственность за все допущенные ошибки и неточности. Мнения, выраженные в статье, не обязательно отражают позицию Евразийского банка развития.

Справедливость этой точки зрения представляется сомнительной. С одной стороны, для части постсоветских государств в экономическом плане внерегиональные партнеры сегодня играют ключевую роль в структуре экономических отношений, заменителем которой экономические связи на постсоветском пространстве стать не могут. Прежде всего это касается России, с точки зрения структуры торговли в наименьшей степени зависящей от взаимодействия с другими странами постсоветского пространства (Винокуров, Либман, 2010). С другой стороны, построение в регионе СНГ интеграционного объединения, закрытого для третьих стран, может стать барьером на пути притока передовых технологий в страны региона, заимствования эффективных институтов и поиска оптимального формата участия в процессе глобализации.

Проблема, на наш взгляд, состоит в самом противопоставлении евразийской интеграции и экономических связей за пределами региона — например, глобализации и интенсификации сотрудничества с ЕС и Азией. Подобный подход разделяют как сторонники (например, с определенными оговорками, Евзеров, 2001), так и критики (Малашенко, 2011) постсоветских интеграционных группировок. Гораздо более плодотворной, на наш взгляд, была бы попытка «вписать» постсоветскую интеграцию в более широкий формат. Поэтому важно понять, что помимо описанной выше «*постсоветской*» *евразийской интеграции* реальностью в последнее десятилетие стал процесс «*континентальной*» *евразийской интеграции*. Под ним мы понимаем качественный рост экономических взаимосвязей между различными субрегионами евразийского суперконтинента — Европой, Восточной, Западной и Южной Азией и постсоветским пространством (Linn, Tiomkin, 2006). Последнее в географическом понимании может быть охарактеризовано как Северная и Центральная Евразия¹.

В настоящей статье мы попытаемся, во-первых, дать краткую характеристику евразийской континентальной интеграции (ЕКИ) и ее особенностей. Во-вторых, перед нами стоит задача проанализировать условия, в которых будет формироваться институциональная архитектура ЕКИ. В-третьих, мы рассмотрим различные аспекты соотношения постсоветской интеграции и ЕКИ, включая то, каким образом постсоветская евразийская интеграция может развиваться с учетом интеграционных процессов на евразийском континенте в целом². Таким образом, данная статья носит нормативный характер и посвящена оптимальному характеру и взаимосвязям *двух евразийских интеграций*. В число ее адресатов входят акторы не только российской внешней

---

¹ Проблематика настоящей работы во многом близка дискуссии о соотношении региональной интеграции и глобализации, обзор которой см., например, в: Winters, 1996; Feenstra, 2003; Baldwin, 2004; Herz, Wagner, 2010. Отличие наших аргументов состоит в том, что мы пытаемся соотнести региональную интеграцию с интеграцией в более крупном регионе, а не с глобальной интеграцией. С точки зрения формальных моделей теории международной торговли это различие во многих случаях незначительно.

² Более детальное обсуждение многих затронутых здесь вопросов см. в: Винокуров, Либман, 2012; Vinokurov, Libman, 2012a. Отдельный вопрос, не нашедший отражения в данной статье, касается принципиальной приемлемости термина «постсоветский» для обозначения региона и интеграционных процессов внутри его. Мы освещаем эту проблему в вышеуказанных монографиях, а также в: Винокуров, 2011.

политики, но и внешней политики других государств региона СНГ и Евразии. Нас интересует следующий вопрос: как должна измениться политика в области постсоветской интеграции (прежде всего, структурирования постсоветских региональных группировок), чтобы в полной мере воспользоваться потенциалом ЕКИ? Какие инструменты могут использовать постсоветские страны в этой области?

Прежде всего, необходимо договориться о терминологии. Определение понятия «интеграция» в литературе достаточно расплывчато и во многом отличается в зависимости от дисциплин или даже конкретных исследовательских подходов (Hurrell, 1995; Hettne, Soederbaum, 2000). В настоящей работе интеграция определяется как *интеграция рынков*, то есть процесс формирования устойчивых взаимосвязей между ранее территориально обособленными рынками в виде потоков благ и факторов производства и (или) взаимосвязи цен на них. Интеграция, таким образом, является результатом усилий различных игроков по устранению барьеров трансакционных издержек между обособленными рынками. Данный подход близок к восприятию интеграции как процессу взаимопереплетения экономик, характерному для многих российских исследований (Шишков, 1993). В зависимости от того, какие именно участники играют ключевую роль в процессе интеграции, можно соответственно выделить «интеграцию сверху» и «интеграцию снизу». Первая связана со снижением трансакционных издержек за счет усилий государственных органов. Вторая возникает, когда усилия по снижению этих барьеров предпринимают частные структуры (Либман, Хейфец, 2011).

Региональная интеграция в контексте данной работы представляет собой, таким образом, процесс интеграции рынков в пределах конкретной группы стран — региона. Границы данного региона редко заданы изначально и, наоборот, как правило, подвергаются трансформации и переосмыслению в процессе интеграции (Quoqabojev, 2010). Это в полной мере касается и двух основных регионов, исследуемых в настоящей работе, — постсоветского пространства и Евразии (Vinokurov, Libman, 2012b). В контексте данной работы «постсоветское пространство» определяется как территория государств, входивших ранее в состав СССР, за исключением балтийских стран ЕС. Границы «Евразии» совпадают с географическими границами одноименного материка, однако основное внимание уделяется трем макрорегионам — постсоветскому пространству, Европе и Восточной и Юго-Восточной Азии. Использование терминов «постсоветская евразийская интеграция» и «континентальная евразийская интеграция» связано с установившейся в научном обиходе практикой называть «евразийской» интеграцию стран постсоветского пространства. Чтобы избежать дискуссий о терминах, мы продолжаем называть эту интеграцию «евразийской» (с уточнением «постсоветская») в отличие от ЕКИ, которой и посвящена настоящая статья.

Постсоветская евразийская интеграция

Постсоветская евразийская интеграция с точки зрения приведенного ранее определения характеризуется важной особенностью: стартовой точкой интеграции является не существование обособленных территориальных рынков, а, напротив, единое экономическое пространство СССР, но интегрированное за счет иерархических структур, а не рыночных связей. Поэтому постсоветская интеграция, как минимум на раннем этапе, представляла собой попытку сохранить существующие взаимосвязи и перевести их на рыночную основу. *Эту первоначальную попытку можно считать неудачной.* Распад СССР и масштабная трансформационная рецессия привели к разрушению множества взаимосвязей между новыми независимыми государствами. Однако процесс дезинтеграции

неоднороден: если в некоторых функциональных областях и субрегионах он продолжается вот уже два десятилетия, то в других он, напротив, сменился процессом интеграции. Поэтому целесообразно рассмотреть три основные группы рынков — товаров, капитала и рабочей силы, динамика которых сильно отличается друг от друга.

К сожалению, качество статистики, доступной для анализа описанных нами явлений, вызывает целый ряд вопросов. Это особенно касается трансграничных инвестиций — для данного показателя официальная статистика в принципе практически неадекватна. Достаточно спорные и данные о трансграничной миграции, которая на постсоветском пространстве часто носит нелегальный или полунелегальный характер. Наконец, если для постсоветского пространства в целом данные о трансграничной торговле можно считать относительно точными, то в отдельных субрегионах — скажем, Центральной Азии, — важную роль играет и неформальная торговля. В дальнейшем мы в основном опираемся на выводы ряда исследований Евразийского банка развития (прежде всего, Систему индикаторов евразийской интеграции 2010 г. и Мониторинг взаимных инвестиций 2012 г.), позволяющие получить (с рядом оговорок) достаточно полную картину интеграционной динамики на постсоветском пространстве (Винокуров, 2010; ЕАБР, 2012).

На рынке товаров с начала 2000-х годов наблюдается устойчивый рост взаимной торговли постсоветских стран. Однако в то же время динамика внутрирегиональной торговли заметно уступает темпам роста как торговли с внерегиональными партнерами, так и темпам роста ВВП стран региона. Гравитационные модели также показывают, что степень реализации потенциала взаимной торговли в регионе СНГ снижается со временем (Гурова, Ефремова, 2010). Иными словами, в сфере торговли тенденции к дезинтеграции не были преодолены.

На двух других рынках ситуация совершенно другая. *Рынок капитала* с начала 2000-х годов характеризовался растущими темпами взаимных инвестиций постсоветских стран, прежде всего за счет трансграничной экспансии инвестиций российских и казахстанских ТНК (Либман, Хейфец, 2006; Хейфец, Либман, 2008). На *рынке рабочей силы* значимым фактором стала трудовая миграция между постсоветскими странами. В отличие от миграции 1990-х годов, носившей преимущественно постоянный характер и связанной с переездом русскоязычного населения из новых независимых государств в Россию, в 2000-е годы приток мигрантов в Россию и в Казахстан связан преимущественно с экономическими факторами и, как правило, представляет собой временную миграцию (сопровождающуюся ростом денежных перечислений мигрантов в их родные страны). Иными словами, в отличие от взаимной торговли, в сфере инвестиций и трудовой миграции можно констатировать, что дезинтеграционные тенденции были преодолены, хотя процесс интеграции остается неравномерным в отдельных отраслях и странах региона. В этом одно из крупных отличий постсоветской региональной интеграции от иных регионов (Европы, Южной Америки, Юго-Восточной Азии), где локомотивом сближения выступает в первую очередь торговля (Libman, Vinokurov, 2012a).

В отличие от «интеграции снизу», результаты которой на постсоветском пространстве в прошедшем десятилетии можно оценивать достаточно оптимистично, «интеграция сверху» до недавнего времени

в регионе СНГ оставалась крайне неэффективной, за некоторыми важными исключениями сотрудничества в области инфраструктуры (Libman, Vinokurov, 2012b). Деятельность подавляющего большинства интеграционных группировок сводилась к «интеграционным ритуалам», когда на смену подписанным ранее и не исполненным соглашениям приходили новые, примерно с таким же содержанием, которые также не планировалось исполнять (Libman, 2007; Kubicek, 2009; Wirminghaus, 2012). Ситуация, как уже было сказано выше, в корне изменилась после создания ТС и ЕЭП. Решения органов ТС и Евразийской экономической комиссии не сводятся к риторике и реально регулируют вопросы взаимной торговли (ТС) и других сфер взаимодействия России, Белоруссии и Казахстана. Можно спорить о причинах качественного изменения ситуации и насколько устойчивым окажется сотрудничество в новых структурах (Astrov, Havlik, Pindyuk, 2012; Dragneva, Wolczuk, 2012; Tarr, 2012; Libman, Vinokurov, 2013), но, в любом случае, приходится констатировать, что с созданием ТС и ЕЭП и в сфере «интеграции сверху» на постсоветском пространстве процессы дезинтеграции сменились процессами интеграции — хотя, опять же, ситуация сильно различается в различных регионах и сферах взаимодействия постсоветских стран.

«Интеграция снизу» в Евразии

Если вопросы «постсоветской евразийской интеграции» получили достаточно полное отражение в литературе, то ЕКИ исследована заметно слабее. На наш взгляд, оценку «континентальной интеграции» в Евразии целесообразно осуществлять исходя из трех показателей: неформальных связей между экономиками стран континента, формальных интеграционных группировок и соглашений и развития общей инфраструктуры. Первые два аспекта полностью соответствуют «интеграции снизу» и «сверху», обсуждавшейся для постсоветского пространства. Последний аспект для региона СНГ, в котором общая инфраструктура, унаследованная от советского прошлого, достаточно развита, мы детально не рассматривали³. Однако для Евразии в целом ситуация совершенно другая — здесь барьером для интеграции может оказаться отсутствие «физической связанности» (physical connectivity) континента, поэтому данная тематика нуждается в детальном обсуждении.

Прежде всего, целесообразно обратиться к анализу «интеграции снизу», опять же начав со взаимной торговли. В данном случае можно говорить о двух основных движущих силах динамики экономических взаимосвязей на континенте: растущей роли Китая как экспортера товаров в Европу и продолжающейся интеграции государств бывшего социалистического лагеря в мировую экономику (Broadman, 2005). В качестве отправной точки нашего анализа можно обратиться к простому анализу динамики взаимной торговли. В таблице мы сравниваем динамику взаимной торговли в трех основных субрегионах континента — Европе, Азии и СНГ — и между этими субрегионами. Видно, что

³ Подробное обсуждение см. в: Libman, Vinokurov, 2012c.

**Среднегодовые темпы прироста торговли товарами
между регионами Евразии (в номинальном выражении, %)**

Экспорт	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Совокупный прирост за 2001–2010
Из Азии в Европу	-9,2	4,5	25,1	25,7	15,3	20,3	19,5	12,0	-20,2	26,0	178,64
Из Европы в Азию	-0,4	7,1	19,2	21,8	7,1	11,3	17,6	12,8	-12,5	22,4	162,17
Из СНГ в Европу	-3,7	8,2	28,1	40,0	39,9	30,5	15,9	36,7	-41,4	30,3	312,89
Из Европы в СНГ	29,6	15,0	30,9	36,4	23,4	30,9	32,9	25,9	-38,8	22,6	439,64
Из Азии в СНГ	12,2	24,3	63,5	46,0	45,9	34,0	60,5	36,2	-47,6	48,5	1006,75
Из СНГ в Азию	1,5	8,6	24,2	30,4	15,6	8,3	29,6	35,9	-17,0	34,3	338,84
Из Азии в Азию	-10,1	10,5	21,9	25,7	15,0	14,9	15,4	15,7	-15,4	33,2	202,52
Из Европы в Европу	0,3	7,1	20,7	19,6	7,7	13,8	16,4	10,5	-23,2	10,4	107,29
Из СНГ в СНГ	5,5	0,5	28,7	38,5	12,3	27,3	29,8	31,2	-36,9	28,9	274,20
Мировая торговля	-4,1	4,8	16,9	21,6	13,9	15,6	15,7	15,3	-22,6	21,7	136,40

Источник: расчеты авторов на основе WTO Time Series on International Trade Database.

межрегиональная торговля растет заметно более высокими темпами, чем мировая торговля в целом, и во многих случаях быстрее внутрирегиональной торговли. Правда, в 2009 г. быстрый рост сменился не менее быстрым спадом, но уже в 2010 г. удалось переломить тенденцию и опять вернуться к быстрой динамике роста.

Тем не менее, как и в случае с постсоветским пространством, сам по себе опережающий рост торговли нельзя считать свидетельством в пользу ЕКИ. Во-первых, высокие темпы роста могут быть связаны с эффектом низкой базы. Во-вторых, приведенные нами данные основаны на статистике ВТО, в которой выделяются в качестве регионов анализа лишь «Европа» (не включая СНГ), «Азия» (не включая СНГ) и «СНГ» (Северная и Центральная Евразия) — иными словами, можно спорить о том, сколь адекватны сопоставляемые нами «регионы». В ряде работ отмечается, что внутрирегиональная торговля в последние десятилетия в принципе характеризовалась более высокими темпами роста, чем торговля между регионами⁴ (UN, 2007; WTO, 2011). Данные таблицы в принципе свидетельствуют лишь о быстром росте торговли двух ранее автаркических регионов — СССР/социалистического лагеря и КНР — с остальными странами Евразии (Duernecker et al., 2012).

Определенные выводы относительно ЕКИ в сфере торговли можно сделать на основе других исследований. Во-первых, в ряде статей рассматривается динамика торговли в Евразии с использованием

⁴ Концепция деятельности Российского национального комитета по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС). www.rnpec.fareast.ru/r_Concept.htm.

традиционных для эмпирического анализа международной торговли гравитационных регрессий, чтобы выявить существование «континентального смещения» (continental bias) — ситуации, когда реальная торговля в рамках континента заметно превышает контрфактическую. В принципе существование «континентального смещения» было показано для Европы, Азии, Океании и Америки (Gil-Pareja et al., 2010). Вторая группа исследований опирается на сетевой анализ. В некоторых работах, в частности, предпринята попытка выделить в сетевой структуре мировой торговли устойчивые «сообщества» стран, характеризующиеся высокой концентрацией связей вокруг определенных узлов. В середине 2000-х годов агрегированные данные о мировой торговле позволили выделить три таких сообщества: 1) Северную и Латинскую Америку; 2) Европу, СНГ и Северную Африку и 3) Китай, Индию, Ближний Восток и Африку южнее Сахары (Varigozzi et al., 2011). Другие работы подтверждают вывод о существовании «континентального смещения», то есть более интенсивных связей между экономиками стран одного континента. Но эти выводы получены для Европы и Азии; однако сетевая структура торговли между европейскими странами со временем расширяется, включая Центральную и Восточную Европу и СНГ (Tzekina et al., 2008; De Benedictis, Tajoli, 2011).

Хотя конкретных результатов именно для Евразии в существующих исследованиях не предлагается, для двух основных составляющих континента — Европы и Азии — можно говорить о *росте торговой интеграции*. Если для Европы это можно считать достаточно очевидным следствием функционирования ЕС, то для Азии, само восприятие которой как целостного региона можно считать спорным (Vinokurov, Libman, 2012) и в которой, как будет показано далее, единая интеграционная группировка отсутствует, полученные выводы представляются крайне важными. В сочетании с имеющимися свидетельствами в пользу растущей торговли между странами Азии и ЕС и ЕС и СНГ, можно говорить о наличии, как минимум, косвенных свидетельств в пользу развития ЕКИ. При этом важно понимать, что официальные статистические данные не учитывают бурный рост неформальных торговых связей в Евразии. В большинстве случаев речь идет не столько о «трансконтинентальных» торговых сетях (хотя некоторые наблюдатели делают вывод о возрастании роли последних (Kaiser, 2012)), сколько о возникновении неформальных торговых сообществ, преодолевающих границы традиционных экономических пространств. Ярким примером можно считать Центральную Азию, где ключевую роль играет неформальная торговля с Китаем (Kaminski, Mitra, 2010)⁵. Неформальная торговля в Евразии является реакцией на низкий уровень межгосударственного сотрудничества и возникает за счет попыток преодолеть существующие барьеры на континенте.

Как и в случае постсоветской интеграции, для двух других составляющих «интеграции снизу» — инвестиций и миграции — качество доступных данных крайне низкое. Прежде всего, это касается

⁵ Рост неформальной торговли с КНР представляет собой интересное переплетение «интеграции снизу» — спонтанной активности торговых сообществ вне государственного контроля — и «интеграции сверху» — поддержки этого взаимодействия в рамках межправительственного сотрудничества. Детальное обсуждение данной тематики см. в: Kaminski, Mitra, 2012.

инвестиций: можно утверждать, что в данном случае адекватная инвестиционная статистика, описывающая динамику взаимодействия в Евразии, отсутствует. Тем не менее качественный анализ все же позволяет выделить несколько немаловажных изменений, соответствующих предложенной нами логике ЕКИ. Речь идет, прежде всего, о появлении новых центров формирования транснациональных корпораций. Наиболее ярким примером можно считать российские и китайские ТНК, роль которых стала достаточно заметной в последнем десятилетии. В обоих случаях географический фокус инвестиций достаточно четко соответствует евразийскому континенту. Внимание российского бизнеса сосредоточено на двух субрегионах Евразии — Европе и постсоветском пространстве (Кузнецов, 2006); китайские ТНК основное внимание уделяют Восточной Азии, но в последнее время все более активно присутствуют в экономике Европы и Африки (Broadman, 2007; Filippov, Saebi, 2008; Kolstad, Wiig, 2009). Иными словами, и в сфере инвестиционного взаимодействия можно говорить о достаточно быстром росте межрегиональных взаимосвязей.

Зато в сфере *миграции* говорить о евразийской континентальной интеграции в настоящее время не приходится. В Евразии в настоящее время существует несколько центров международной миграции, как правило, включающих исторически тесно связанные между собой государства: постсоветское пространство, «треугольники» Индия—Пакистан—Бангладеш и Сингапур—Малайзия—Индонезия. Существующие правовые барьеры жестко ограничивают миграционные потоки между отдельными странами. Интегрированный рынок труда функционирует лишь в ЕС, причем ЕС прилагает огромные усилия к тому, чтобы ограничить приток мигрантов из других частей континента. В Евразии выделяются следующие десять основных миграционных коридоров: Россия—Украина, Украина—Россия, Турция—Германия, Казахстан—Россия, Россия—Казахстан, Белоруссия—Россия, Узбекистан—Россия, Азербайджан—Россия, Румыния—Италия и Румыния—Испания. Два из этих коридоров находятся в пределах Европейского союза, семь — на постсоветском пространстве, а один соединяет ЕС и Турцию. По данным Всемирного банка, из 216 млн мигрантов в 2010 г. 46% перемещались «внутри» евразийского континента (включая Индию и Ближний Восток). Однако почти половина (18%) — это миграция внутри ЕС и Европейского экономического пространства. Все остальные регионы миграционной активности также четко локализованы: 10% мигрантов приходится на страны Северной и Центральной Евразии (в основном речь идет о перемещении трудовых ресурсов в пределах СНГ) (World Bank, 2011).

Подведем итоги. В двух из трех рассматриваемых нами сфер «интеграции снизу» — инвестициях и торговле — можно говорить, как минимум, о некоторых элементах ЕКИ, причем постсоветские государства в нее в полной мере вовлечены. В этом отношении ситуация в Евразии аналогична ситуации в Америке (где также можно говорить о континентальной интеграции в сфере торговли и инвестиций) и сильно отличается от ситуации в Африке (остающейся фрагментированным континентом). Во многих случаях ЕКИ представляет собой не целостный процесс, охватывающий весь континент, а формирование отдельных

интеграционных пространств, «пересекающих» границы традиционных регионов и «накладывающихся» друг на друга. Однако в любом случае основной движущей силой интеграционного процесса можно считать *спонтанные экономические взаимосвязи*. Зачастую этот процесс идет при минимальном содействии правительств или без него.

В этом отношении современная континентальная интеграция в Евразии представляет собой лишь очередное звено в ряду «евразийских обменов» — устойчивых каналов обмена товарами, охватывавших большую часть Евразии в прошлом. Принято выделять три волны «евразийского обмена»: I—III вв. н. э. (период существования цепочки крупных империй начиная с Римской и кончая государством Хань), XI—XIII вв. н. э. (торговля между Китаем, Индией и арабским миром по «шелковому пути» и побрежью Индийского океана) и XVI—XVII вв. Во всех этих случаях торговые пути, несмотря на нестабильность прав собственности и высокие транзакционные издержки, выходили далеко за пределы отдельных государств и политических систем (единственным исключением можно считать период существования монгольской империи) (Abu-Lughod, 1989; Gunn, 2003). Например, Индийский океан никогда не был под властью единой политической силы; в основе торгового взаимодействия лежала система свободных портов, открытых для всех участников, и сети торговцев — арабских, индийских и китайских (Chaudhuri, 1985; Hourani, 1995). Идущие в настоящее время процессы можно рассматривать в качестве полноценной четвертой волны «евразийского обмена», каждая из которых сыграла ключевую роль в развитии мировой экономики.

Теневая интеграция

Проблематику ЕКИ можно рассматривать и с другой точки зрения, условно охарактеризовав ее с помощью идеи «теневого интеграции»⁶. Последняя связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, экономический рост во многих государствах Евразии сопровождается усилением трансграничных внешних эффектов, например, в сфере экологии, делающих трансграничное сотрудничество необходимым. В данном случае *евразийский* характер проблематики связан с географическими факторами: единый континент в значительно большей степени подвержен трансграничным экстерналиям, чем различные континенты, разделенные водными пространствами (конечно, многие трансграничные экологические проблемы носят глобальный характер — например, загрязнение Мирового океана), — однако многие в большей степени локализованы (Diamond, 1997). Во-вторых, неформальная торговля⁷ в Евразии связана с торговлей людьми и с наркотрафиком; в этом случае динамичная интеграция является следствием ограниченности межгосударственного сотрудничества на континенте. Наркаторговля, конечно, носит глобальный характер, однако целый ряд ключевых каналов — в частности, связанных с экспортом наркотиков из Афганистана, — локализованы в пределах Евразии (Cornell, Swanstroem, 2006).

⁶ Важно подчеркнуть, что в данном случае мы отходим от использовавшейся нами ранее концепции «интеграции рынков» (которой мы будем придерживаться и в дальнейшем). Однако описанные «теневые» факторы играют столь важную роль для евразийского континента, что заслуживают отдельного упоминания.

⁷ В настоящей работе мы используем термин «неформальная торговля» в ценностно-нейтральном значении. Термин «теневая интеграция», напротив, используется в негативном значении как описание процесса, создающего серьезные проблемы для государств региона.

Отрицательные стороны евразийской интеграции не ограничиваются расширением незаконной деятельности, но включают рост «общего рынка микробов». Пересечение границ людьми создает идеальные условия для распространения различных заболеваний. Можно сравнить распространение эпидемий средневековья, когда бубонной чуме в XIV в. потребовалось 25 лет, чтобы добраться из Китая в Европу⁸, с молниеносным стремительным распространением эпидемии птичьего гриппа в 2000-х годах. Очевидно, что это больше черта глобализации, чем возникающих евразийских связей. Однако в Евразии в силу географической близости стран и сложности контроля над трансграничным перемещением людей масштабы этой проблемы заметно больше (Coker et al., 2004). В этом случае сдерживание глобального микробного рынка также требует международного сотрудничества, которое, однако, может использоваться и для ограничения экономических связей между странами и служить оправданием политики протекционизма.

Евразия подвержена проблемам «теневого интеграции», в частности, потому, что в евразийскую интеграцию (и особенно в неформальные связи) вовлечен ряд слаборазвитых государств (например, Афганистан), для которых специализация на торговле запрещенными товарами дает преимущества в новых торговых условиях. С другой стороны, крайняя неоднородность евразийских государств препятствует принятию эффективных мер по противодействию незаконной деятельности. Уровень международного сотрудничества часто бывает неудовлетворительным.

«Интеграция сверху» в Евразии

В отличие от «интеграции снизу», для которой мы — пусть и с определенными оговорками — можем констатировать формирование определенных признаков быстрого роста ЕКИ, в области «интеграции сверху» евразийская интеграция заметно слабее. В Евразии отсутствует всеобъемлющая региональная организация, создание подобной структуры (в отличие, например, от Зоны свободной торговли обеих Америк) даже не является предметом обсуждения. Но и на более низком уровне, за исключением Европейского союза, остальные субрегионы Евразии представляют собой яркий пример «миски спагетти» соглашений о свободной торговле и развитии инфраструктуры, как правило, носящих достаточно ограниченный характер, не исключающих участия своих членов в других соглашениях и часто направленных не столько на создание общих правил и норм, сколько на развитие инфраструктуры. (На постсоветском пространстве ситуация изменилась в последние три года после создания ТС и ЕЭП — в данном случае для части постсоветского пространства можно говорить о формировании структуры

---

⁸ Эта колоссальная по масштабам эпидемия стала непосредственным результатом открытия границ между ранее обособленными регионами в результате монгольских завоеваний. Результатом стали как упадок евразийской торговли, завершивший период «второй волны» евразийского обмена, так и резкий дефицит трудовых ресурсов в Европе, приведший к росту реальных доходов и за счет этого ставший одним из стимулов для исследований эпохи географических открытий (Findlay, O'Rourke, 2007).

с потенциально сильными надгосударственными элементами.) Эту ситуацию едва ли можно охарактеризовать как неожиданную — евразийский континент крайне разнороден, и «универсальный» механизм принятия решений, скорее всего, оказался бы неэффективным.

Существуют, однако, и другие факторы, ограничивающие международное сотрудничество в Евразии. Во-первых, в Евразии трансграничная интеграция связана со взаимодействием очень крупных государств с емким внутренним рынком — это Китай, Индия, Россия или, в какой-то степени, ЕС. Одна из ключевых проблем подобных структур состоит в том, что им достаточно сложно сосредоточиться на какой-то конкретной повестке дня: размер ведет к возникновению разнородных интересов и множественности целей, а выделение среди них главных и второстепенных нередко приводит к пренебрежению важными и перспективными инициативами. Наверное, наиболее очевидным примером до недавнего времени было развитие экономического сотрудничества на Дальнем Востоке, постоянно «уходившее сквозь пальцы» российского руководства, отвлеченного более срочными задачами (Либман, 2010а).

Во-вторых, страны евразийского континента сильно отличаются друг от друга с точки зрения своих политических систем — от устойчивых демократий в Европе и Индии до не менее стабильных авторитарных режимов в Китае и многих постсоветских странах и разнообразных «гибридных» систем — в других. В принципе политический режим оказывает серьезное воздействие на перспективы трансграничного сотрудничества, хотя конкретное направление последнего оценить не всегда возможно. Так, если одни авторы считают недемократические режимы менее склонными к созданию устойчивых интеграционных группировок (Mansfield et al., 2002; Mansfield et al., 2008), то другие, напротив, придерживаются мнения, что отсутствие внутренних вето-игроков облегчает интеграцию (Remmer, 1998; Garriga, 2009), а третьи указывают на то, что эффект различается в зависимости от типа интеграционных группировок (Libman, Obydenkova, 2013). Однако *разнородность* режимов все признают наихудшей комбинацией для интеграционного взаимодействия.

Все эти ограничения обуславливают две важнейшие особенности формального интеграционного взаимодействия в Евразии. Во-первых, интеграция неизбежно связана с созданием *множества пересекающихся «клубов по интересам»*, в которых те или иные страны пытаются совместно решить возникающие перед ними проблемы. Во многих случаях эти «клубы» целесообразно организовывать даже не на уровне отдельных государств, а на субнациональном уровне. Не случайно на границе субрегионов Евразии столь большое внимание уделяется взаимодействию субнациональных единиц — от Еврорегиона до проекта «Большой Алтай», Расширенной Туманганской инициативы, региона «Большой Меконг» и проектов на китайско-казахстанской границе. Правда, способности субнациональных единиц участвовать в трансграничном сотрудничестве напрямую определяются уровнем децентрализации в государствах Евразии, а здесь ситуация неоднородная.

Наличие трансграничных проблем может стать стимулом для развития трансграничного сотрудничества. В выстраивании институционального решения общих проблем целесообразно руководствоваться вариацией

принципа субсидиарности: объединяться в организацию или договор должны государства, которые заинтересованы в решении данной проблемы, и с теми функциями и полномочиями, которые необходимы для такого решения. Например, для решения проблемы Иртыша необходим узкофункциональный диалог Казахстана, Китая и России. Вообще, одним из наиболее ценных уроков, которые можно извлечь из мирового опыта региональной интеграции, является понимание того, что *les grands projets géopolitiques* не обязательно создают надежную основу для интеграции. Наоборот, конкретные интеграционные группировки в отдельно взятых секторах и по отдельно взятым функциональным направлениям закладывают основы долгосрочного сближения экономик и обществ.

Во-вторых, для Евразии абсолютно неизбежна *конкуренция региональных группировок*. Если в Европе, например, можно говорить лишь об одном прецеденте соперничества интеграционных группировок за последние десятилетия — конкуренции ЕАСТ и ЕЭС, закончившейся недвусмысленной победой последнего, то в Евразии подобная конкуренция гораздо более масштабна. Сама по себе конкуренция интеграционных инициатив не может рассматриваться как негативное явление. Наоборот, как и любая форма конкуренции, она, скорее, содействует повышению эффективности (Frey, Eichenberger, 1996). Однако при этом важно учитывать два обстоятельства. С одной стороны, конкуренция может функционировать лишь если региональные группировки не пытаются превратиться в замкнутые сообщества, то есть если издержки «выхода» и «входа» для отдельных стран не слишком велики. Яркий пример обратного — развитие ситуации с Грецией в еврозоне. С другой стороны, конкуренция региональных группировок ведет к росту издержек для частного сектора, которому заметно труднее ориентироваться в сложной структуре пересекающихся инициатив. Собственно говоря, именно последний аргумент выступает основным ограничением для функционирования «миски спагетти»⁹.

Представление о региональной интеграции, описанное выше, не является чем-то новым в литературе — речь идет о хорошо известном открытом регионализме (Bergsten, 1997). Модель открытого регионализма стала основой сотрудничества в АТЭС — первоначально весьма многообещающей структуры, но со временем из-за бесконтрольного расширения утратившей способность к консолидированному действию. Эта структура представляла собой ответ на три основных вызова, стоящих перед формальной интеграцией в Евразии, — разнородность участников, наличие крупных игроков и сочетание демократических и недемократических стран. АТЭС является ярким свидетельством крайне важной особенности евразийской интеграции — успех открытого регионализма напрямую зависит от действенности сотрудничества в рамках отдельных функциональных форматов, структур и организаций, а не от масштабных саммитов с широким спектром участников.

---

⁹ Можно назвать и другие ограничения. Во-первых, «миска спагетти», то есть обилие разнообразных связей, требует значительных ресурсов со стороны участвующих в проектах бюрократических аппаратов отдельных стран, которые должны обладать достаточным потенциалом для мониторинга всех значимых проектов. Во-вторых, поскольку интеграционные группировки часто используются как инструмент повышения достоверности обязательств (*credible commitments*), «миска спагетти» может ослабить данный эффект, уменьшив масштаб давления каждой конкретной организации на своих членов. Тем не менее, в Евразии, несмотря на эти ограничения, множественность пересекающихся проектов можно считать единственной реалистичной архитектурой «интеграции сверху».

Принципиально важно подчеркнуть, что в рамках описанного выше подхода не проводится различий между двухсторонним и многосторонним сотрудничеством. И двухсторонние, и многосторонние соглашения в равной степени могут использоваться как элементы «интеграции сверху» ЕКИ — в зависимости от характера предлагаемых проблем.

Роль инфраструктуры

Важная характеристика интеграции в Евразии — ключевая роль инфраструктуры и усилий по ее развитию для будущего ЕКИ. В настоящее время слабость инфраструктурных связей «разъединяет» континент не в меньшей степени, чем формальные барьеры, созданные отдельными государствами и блоками государств. Такое положение дел обусловлено не только исторической разобщенностью (это верно и для других континентов), но и длительными периодами автаркии бывшего СССР и Китая, а также в значительной степени Индии. Прежде всего, речь идет о транспортной инфраструктуре — сетях железных дорог, трубопроводов и ЛЭП, а также об инфраструктуре в сфере коммуникаций.

Ключевыми направлениями в евразийском контексте выступают нефть и газ, электроэнергетика, транспорт, телекоммуникации и сельское хозяйство. В частности, нет сомнений в том, что общие электроэнергетические рынки выступают одним из наиболее перспективных направлений интеграции в силу объективной экономической необходимости их создания на территории Евразии. Более того, общий электроэнергетический рынок может стать одной из предпосылок создания общеконтинентальной системы безопасности¹⁰. Равным образом строительство трансграничных автомобильных и железнодорожных коридоров, обеспечивающих как высокую плотность торговли между соседями, так и развитие континентального сухопутного транзита, «скрепляет» регион сильнее межправительственных соглашений. Ниже приведены примеры трансрегиональной и трансконтинентальной инфраструктуры, представляющие значительный интерес.

В области железнодорожного транспорта на направлении Запад-Восток в настоящее время конкурирует ряд инициатив под эгидой Европейского союза, ЕврАзЭС, Азиатского банка развития и Китая. Однако координация между этими инициативами практически отсутствует. Например, Россия не участвует в ЦАРЭС и проекте ТРАСЕКА, а создание общеевропейских коридоров и проект Трансазиатской железной дороги (ТАЖД) не согласованы между собой. Как и ЕС, так и АБР, больше заняты своим регионом, не учитывая «евразийскую» перспективу в целом. При этом Россия и Центральная Азия рассматриваются как периферийные территории. В то же время, если посмотреть на подробные карты развития транспортных артерий в рамках проектов ТРАСЕКА, ТАЖД и ЕврАзЭС, можно легко обнаружить, что многие маршруты накладываются друг на друга и пересекаются друг с другом в достаточно запутанных комбинациях. Это обстоятельство нужно учитывать при разработке общей трансевразийской транспортной стратегии применительно к Центральной Азии. Специфика

¹⁰ См. серию из 15 обзоров ЕАБР, посвященных вопросам отраслевой интеграции в СНГ, в том числе: Винокуров, 2008; Винокуров и др., 2009; Абсаметова и др., 2010; Ясинский и др., 2011.

инфраструктурного строительства такова, что она нуждается в международной координации и планировании на перспективу 30-50 лет. А планы колоссальные. Только на постсоветском пространстве в рамках железнодорожного строительства нужно говорить о модернизации Транссиба и огромных вложениях в перспективные Северный и Центральный трансасиатские коридоры. Чтобы оценить китайские амбиции, упомянем лишь проект высокоскоростных железных дорог, связывающих Китай с Европой: КНР планирует построить новые железнодорожные линии, скорость на которых будет достигать 380 км/ч, в южном направлении (Сингапур), северо-западном (Сибирь) и западном направлении (Индия, Казахстан и Турция). Конечной целью является присоединение к европейской системе высокоскоростных железных дорог. Хотя конкретные маршруты еще не определены, китайские власти уже ведут переговоры по данному проекту с 17 странами. Экономическая целесообразность проекта вызывает сомнения, но, учитывая объем инвестиций Китая во внутреннюю инфраструктуру за последние годы, проект не выглядит безнадёжной маниловщиной.

Потенциал евразийской интеграции велик и в электроэнергетике, где речь идет о создании множественных общих электроэнергетических рынков (ОЭР). Экономическая логика ОЭР — линейная: чем больше его пространственный охват и разнообразнее источники энергии, тем лучше. Помимо очевидной экономической целесообразности восстановления общего рынка на постсоветском пространстве и особенно в Центральной Азии, существует ряд других перспективных направлений развития инфраструктуры. Это и связи кавказских государств с Ираном; и выход на Южную Азию для стран Центральной Азии (в том числе проект CASA-1000); и экспорт электроэнергии в Китай с угольных электростанций в Восточной Сибири (в 2012 г. компания «ИнтерРАО» заключила с Китаем 25-летний контракт на поставку 100 млрд кВт электроэнергии); и соединение электроэнергетических систем стран СНГ с ЕС с целью создания общего рынка от Лиссабона до Владивостока; и общий рынок электроэнергии в странах дельты Меконга («Батарея Азии»).

В сфере телекоммуникаций в качестве примеров приведем одну историю успеха и одну историю, где об успехе говорить еще рано. В течение последнего десятилетия как минимум четыре корпорации из развивающихся стран Евразии — российские МТС и «ВымпелКом», китайская СМСС и турецкая Turkcell — вышли на множественные рынки и стали полноценными евразийскими ТНК. Их зарубежная экспансия практически совпадает с контурами континента. Напротив, цифровой трафик идет преимущественно по подводным линиям, огибая Евразию. По данным ComNews, Россия пропускает около 6% всего объема транзитного трафика данных из Европы в Азию (YankeeGroup оценивает долю России в 16%, но эта цифра включает как транзитные данные, так и данные, «потребляемые» в России). Между тем наземные волоконно-оптические линии связи (ВОЛС) обладают рядом преимуществ: они короче, время запаздывания сигнала меньше, а ремонт значительно легче.

Взаимосвязь постсоветской и континентальной евразийских интеграций

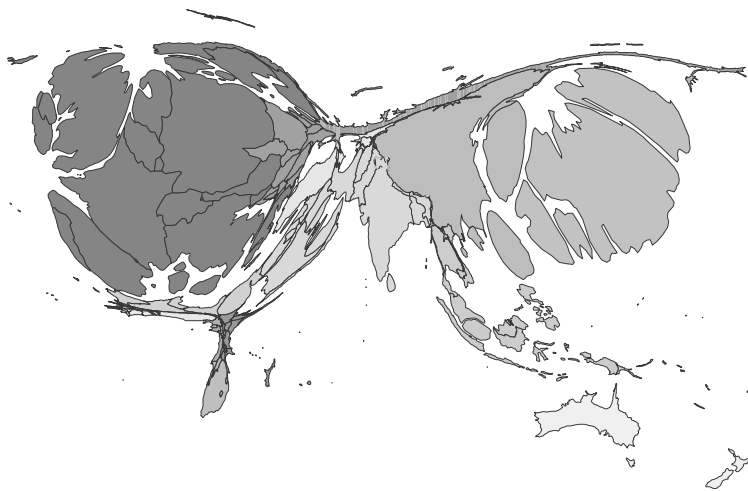
Постсоветская интеграция и ЕКИ так или иначе были связаны между собой вот уже два десятилетия. С одной стороны, можно сказать, что именно распад СССР и «вписывание» экономик стран бывшего Советского Союза в международное разделение труда наряду с либерализацией экономики КНР открыли дорогу ЕКИ. Однако если исчезновение автаркического планового государства в центре Евразии должно было оказаться позитивным фактором развития ЕКИ, то полная фрагментация постсоветского пространства едва ли содействовала бы ЕКИ — хотя бы из-за роста транспортных издержек на одном из ключевых маршрутов, соединяющих Европу и Юго-Восточную Азию. Поэтому можно сказать,

что для ЕКИ крайне важна интеграция в регионе СНГ — если последняя носит открытый характер и не ведет к новой изоляции Северной и Центральной Евразии от остальных частей континента.

С другой стороны, евразийская интеграция потенциально исключительно важна для всех стран континента, однако она имеет особое значение для России и Центральной Азии. Эти страны могут многое получить от евразийской интеграции, которая не будет ограничена пределами постсоветского пространства. Это касается как «интеграции снизу», так и «интеграции сверху». Что касается «интеграции снизу», то она в любом случае определяется, в первую очередь, экономическими соображениями и во многих случаях не ограничивается пределами границ бывшего СССР — можно говорить о ряде перекрывающихся «экономических пространств» в Северной и Центральной Евразии, часть из которых в общем и целом совпадает с советскими границами, а часть сильно от них отклоняется (Либман, 2010b). Поэтому в дальнейшем мы сосредоточим свое внимание на «интеграции сверху» и развитии общей инфраструктуры.

С этой точки зрения ограничивать интеграционные предпочтения границами региона СНГ, по нашему мнению, не оптимально. Во-первых, это создает проблемы для общего процесса региональной интеграции в Евразии (например, из-за отсутствия соединений между транспортными коридорами). Во-вторых, это было бы сопряжено с проблемами для самих стран бывшего Советского Союза. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим картограмму Всемирного банка (см. рис.). Размер стран на картограмме соответствует их экономическому весу. Экономическая география Евразии с точки зрения соотношения ВВП демонстрирует огромное несоответствие с физической картиной континента. На регион СНГ приходится всего около 3,5% мирового валового продукта

«Евразийская гантель»

Примечание. Картограмма показывает соотношение между странами по размеру ВВП на основе обменных курсов валют. Взяты ВВП 2005 г., в постоянных долларах 2005 г.

Источник: World Bank, 2009. Р. xxi.

Рис.

в номинальном выражении и порядка 4,5% в пересчете по паритету покупательной способности. Очевидно, что Северная и Центральная Евразия представляют собой «слабое звено» на экономической карте. Приходится констатировать: пространство СНГ — это обширный, но экономически малозначимый регион, расположенный между двумя экономическими центрами силы — Евросоюзом и Восточной Азией. Следовательно, интеграции только в пределах постсоветского пространства может оказаться недостаточно, чтобы обеспечить высокие темпы роста и необходимый потенциал для модернизации региона. В-третьих, представление о постсоветской евразийской интеграции как составном звене континентальной евразийской интеграции позволяет решить и многие противоречия между постсоветскими странами, повысив для них привлекательность участия в региональных организациях на постсоветском пространстве (Быков, 2009; Либман, 2009).

Однако и континентальная интеграция не является адекватной заменой постсоветской интеграции. Другое дело, что далеко не всегда оптимальным «клубом» для решения тех или иных проблем на постсоветском пространстве становится именно сообщество бывших республик СССР. Например, будет ли успешна инициатива, направленная на развитие экономического взаимодействия между странами Центральной Азии и не учитывающая интересов КНР, уже сегодня ключевого торгового партнера всех центральноазиатских республик и России; или проект комплексного развития трансграничной инфраструктуры Южного Кавказа без участия Турции? Однако для других тем — скажем, трудовой миграции или миграции населения — именно постсоветский формат оптимален. Продуктивным окажется и решение задач технологической кооперации в рамках устойчивых производственных цепочек региона СНГ и развития ЕЭП. Безусловно, в постсоветском формате актуальными остаются и различные проблемы безопасности. Иными словами, постсоветские страны заинтересованы в сочетании *двух евразийских интеграций* — постсоветской и континентальной.

Правда, при этом и постсоветская интеграция должна строиться таким образом, чтобы органично сопрягаться с ЕКИ. В принципе, многие особенности ЕКИ уже сегодня типичны для постсоветского регионализма. Во-первых, последний с самого начала строился как сообщество множества интеграционных институтов «разных скоростей» — как и евразийская интеграция (правда, на постсоветском пространстве многие организации и соглашения оказались малоэффективными; однако принципиально такая архитектура интеграционного взаимодействия в большей степени соответствует модели ЕКИ). Во-вторых, низкая результативность формальной интеграции до недавнего времени компенсировалась достаточно быстрым развитием «интеграции снизу» (как и в Евразии). Однако дальнейшая «адаптация» постсоветской интеграции к ЕКИ потребует определенных усилий. Ниже мы рассмотрим ряд возможных инструментов «сопряжения» двух евразийских интеграций. С этой точки зрения мы рассмотрим по отдельности два вектора интеграции — западный (взаимодействие с ЕС) и восточный (взаимодействие с азиатскими интеграционными группировками), для которых предлагаемый инструментарий будет несколько различаться.

Западный вектор интеграции

Наиболее очевидная проблема — это западная часть СНГ, которая одновременно является восточным соседом ЕС. Такие страны, как Украина, Белоруссия или Молдова, являются ярким примером косвенного соперничества между двумя группами организаций: расширенного ЕС, включающего страны, охваченные Европейской политикой добрососедства и Восточным партнерством, и постсоветских региональных группировок. Это соперничество происходит как на политическом, так и на концептуальном уровне, когда обсуждаются разные модели региональной интеграции. Важно понять экономические и политические последствия этого соперничества для функционирования обеих групп интеграционных институтов и, что более важно, для экономических преобразований в регионе. В соперничество вовлечены не Украина, Белоруссия, Молдова и три страны Закавказья, но и в некоторой степени сама Россия, в которой представление о целесообразности концентрации внимания на постсоветском или европейском векторе интеграции является постоянным поводом для дискуссии (Tsygankov, 2003).

В любом случае, общепринятым и для европейских, и для российских аналитиков и элит остается представление о взаимоисключающем характере постсоветского и европейского регионализма. Хотя ЕС рассматривает в качестве одной из основных целей интенсификацию регионального сотрудничества среди своих государств-соседей (и имеет опыт успешной работы с интеграционными группировками последних, скажем, ЦЕФТА). Во многом это представление о «неизбежности» конфликта между интеграционными целями основано на искаженной интерпретации целей и интересов партнеров.

В России распространено (частично оправданное, см.: Voerzel, van Huellen, 2011) скептическое отношение к «ценностной» составляющей политики ЕС в отношении восточно-европейских стран, да и к самой способности ЕС выступать в качестве единого целого (в отличие от политики отдельных государств Союза) (Либман, 2006). В ЕС постсоветская интеграция обычно воспринимается через призму властных отношений на постсоветском пространстве (Sushko, 2004) или связывается (что, опять же, во многих случаях оправданно) с сохранением неэффективных непрозрачных схем на постсоветском пространстве (Wallander, 2007). Реальность политики каждого из партнеров сложнее, чем упрощенное представление о ней у другого участника; следовательно, привлекательные возможности для сотрудничества, в которых у ЕС и России имеются реальные точки соприкосновения, остаются без внимания.

На наш взгляд, принципиально важный вопрос заключается в том, что европейская интеграция и постсоветская интеграция *не должны рассматриваться как взаимоисключающие. Наоборот, в идеальном случае регионализм в рамках ТС и ЕЭП может быть комплементарен цели интеграции с Европейским союзом.* Например, глубокая переработка технических регламентов и стандартов в рамках ЕЭП закладывает основу для гармонизации технического регулирования ЕЭП и ЕС. Присутствие ЕС в качестве внешнего партнера может быть полезным при смягчении постоянных препятствий для постсоветской интеграции: дефицита доверия между постсоветскими странами и проблем, связанных с естественным доминированием России.

Сотрудничество с ЕС обычно подразумевает значительный уровень восприятия европейских институтов (например, сближение стандартов), что может быть полезным и для сотрудничества между самими странами постсоветского мира (Чернышев, 2010; Спартак, 2011). Конечно, подобный подход также требует координации Европейской программы добрососедства и системы четырех общих пространств, призванных соединить Россию и Евросоюз. Кроме того, становится актуальным вопрос о реформатировании концепции общих пространств с ЕС — России на ЕС — ТС.

Особое значение эта тема имеет для Украины, страны между ЕС и Таможенным союзом, разрывающейся между возможностью вступления либо в один, либо в другой. Горькая ирония ситуации заключается в том, что «европейский выбор» Украины вовсе не исключает возможности интеграции с Россией и ее партнерами. Ведь европейский выбор России и ее стремление к экономическому, политическому и культурному сближению с Европой очевидны. Казахстан — также «европейская» страна: ЕС является крупнейшим торговым партнером (37,7% экспорта и 32,3% внешнеторгового оборота в 2010 г. по данным МВФ), казахстанские компании размещаются в Лондоне, а не в Шанхае, а студенты по правительственной программе «Болашак» едут учиться преимущественно в Европу. До 50% «болашакеров» прошли обучение в Европе по сравнению с 5% в Восточной и Юго-Восточной Азии (для сравнения: еще 28% приходится на США и 9% на Россию)¹¹.

Представляется, что оптимальное долгосрочное решение может быть найдено именно в рамках экономической интеграции ЕС и ТС. Сильным вариантом было бы включение Украины в Таможенный союз с последующим подписанием соглашения о свободной торговле между постсоветским торговым блоком (с населением около 220 млн человек и ВВП порядка 2,2 трлн долл.) и ЕС. При этом сценарии Украина достигла бы всех своих целей, обеспечив себе благоприятный режим отношений с Россией и другими партнерами в Северной и Центральной Евразии и укрепив при этом свой европейский выбор. Такое соглашение служило бы универсальной основой для сближения законодательств и в итоге — введения безвизового режима. Еще один вариант — схема с заключением соглашения (или соглашений) о глубокой и всеобъемлющей свободной торговле (DCFTA), интегрирующих ТС, ЕС и Украину.

В любом случае оптимальное решение о включении Украины в «большую Евразию» объективно возможно только в формате, объединяющем и ЕС, и ТС. Конечно, для ЕС переговоры с более консолидированным и сильным партнером могут оказаться менее привлекательными. С другой стороны, Евросоюз принципиально не отвергает возможность взаимодействия с экономическими блоками: так, в 2010 г. были возобновлены переговоры о свободной торговле ЕС с Меркосуром.

Следует отметить: к сожалению, шансы на то, что такое представление о комплементарности постсоветской и европейской интеграций возобладает в среднесрочной перспективе, представляются достаточно

---

¹¹ Расчеты авторов на основе данных Центра международных программ (edu-cip.kz/Media/Default/HtmlWidget/Articles/statistika2012new.pdf). Агрегированные данные 1994–2011 гг.

низкими. Это, вероятно, будет представлять серьезную проблему в создании институциональной структуры для экономической интеграции в Евразии. Пока (как показывает, например, опыт переговоров России и ЕС) поводов для оптимизма в данной области достаточно мало.

Наконец, с точки зрения общей логики настоящей работы, необходимо привести следующее уточнение. Описанный вариант зоны свободной торговли ТС—ЕС можно рассматривать как один из возможных «интеграционных клубов» ЕКИ, реализующийся в одном из субрегионов Евразии. Естественно, масштабы и формы сотрудничества в каждом из клубов не могут не различаться — и поскольку на «западном фланге» СНГ постсоветские страны взаимодействуют с ЕС с его наднациональными институтами, в данном случае «клуб» также приобретает более «жесткий» и формальный характер — в отличие, скажем, от интеграции в Азии, о которой речь пойдет ниже. Также для «западного фланга» нецелесообразно рассматривать тематику «двойного членства» (ТС и ЕС), поскольку такой формат, скорее всего, не соответствовал бы ожиданиям ЕС.

Восточный вектор интеграции

Восточный вектор интеграции принципиально отличается от западного. Цели интеграции с Евросоюзом более амбициозны — глубокое и всеобъемлющее соглашение о свободной торговле ЕС—ТС, гармонизация законодательства и технического регулирования, безвизовый режим, оптимальное решение вопроса об интеграции Украины. В случае с Восточной и Юго-Восточной Азией речь идет о гораздо менее амбициозных задачах — свободная торговля с некоторыми странами, качественное расширение трансграничной инфраструктуры (нефти и газопроводы, передача электроэнергии, порты и аэропорты, телекоммуникации), расширение социально-культурного взаимодействия.

Азиатские интеграционные группировки, созданные для содействия интеграции, имеют намного меньше ограничений для вовлечения внешних игроков и в меньшей степени институционализированы по своей природе; соответственно жесткая конкуренция на выживание, как на западном фланге СНГ, в данном случае отсутствует. Во многих случаях интеграция в данном регионе основана, скорее, на двухстороннем, чем на многостороннем сотрудничестве (например, взаимодействие России и Китая). Постсоветские образования, такие как СНГ и ЕврАзЭС, представляют собой лишь еще один случай «пересекающихся» региональных интеграционных группировок (ТС в меньшей степени соответствует практикующимся в Азии моделям интеграции). Азия также является регионом, где наблюдается частичное размывание советских институциональных границ: страны постсоветского пространства участвуют в экстрарегиональных интеграционных структурах, а страны, находящиеся за пределами региона, сотрудничают с постсоветскими интеграционными объединениями и отдельными государствами. Достаточно привести пример Организации экономического сотрудничества, в которой наряду с Ираном, Афганистаном и Турцией участвуют и постсоветские страны Центральной Азии, а также Шанхайской организации сотрудничества.

Тем не менее необходимо отметить две группы проблем, в перспективе способных повлиять на сопряжение двух евразийских интеграций на «восточном фланге» СНГ. Во-первых, открытие постсоветских институтов для внерегиональных членов (которое стало бы неизбежным результатом поиска «оптимальных клубов» сотрудничества), находящихся за пределами русскоязычного пространства и сильно отличающихся по своим институциональным особенностям, может осложнить функционирование постсоветских региональных институтов. (Можно вспомнить опыт чрезмерного расширения АТЭС.) Сказанное не должно восприниматься как принципиальный аргумент против создания инициатив (двухсторонних или многосторонних) с участием как постсоветских стран, так и внерегиональных партнеров — речь идет о том, что такие инициативы будут связаны как с преимуществами (например, более точным соответствием «оптимальным пространствам интеграции»), так и с недостатками (более высокими издержками принятия решений).

Во-вторых, расширение постсоветского регионализма за пределы территории постсоветского пространства затронет интересы по крайней мере одного из двух крупных игроков: Китая или Индии. Индия до сих пор занимает довольно осторожную позицию в сотрудничестве со странами СНГ, в то время как Китай в силу своего размера вызывает сильную озабоченность населения и региональных элит в СНГ. Сегодня редко удаются даже скромные попытки укрепить институциональные связи. Попытка России стать акционером Азиатского банка развития была встречена довольно холодно. В свою очередь, инициатива Китая создать банк ШОС, в котором были бы представлены все страны — члены этой организации, не нашла безусловной поддержки среди государств-участников. Предложенные Россией альтернативы — Фонд или спецсчет ШОС — также решено доработать. Эти примеры наглядно демонстрируют трудности трансрегиональной интеграции.

Еще более серьезные проблемы возникают с точки зрения совместимости существующих постсоветских региональных группировок с экономическими связями их членов с партнерами вне региона. Ярким примером является ТС — как уже говорилось, эта организация (в отличие от других постсоветских интеграционных объединений) достаточно сильно отличается от моделей интеграции, практикуемых в Азии: в частности, высказываются опасения, что она может стать препятствием для развития торговли между Китаем и Казахстаном; практика не подтверждает это опасение, товарооборот стремительно растет. Будущее торговли с Китаем и будущее реэкспорта — это также один из основных дискуссионных вопросов в Киргизстане при рассмотрении возможности вступления в Таможенный союз. Эта страна оказалась «между Сциллой и Харибдой»: вхождение в ТС потребует существенной модификации внешнеторгового режима, а отказ от членства в ТС ограничит доступ на рынки Казахстана и России, перевалочным пунктом для которых и служит Киргизстан.

В целом, как и в случае с Европой, восприятие разных связей в постсоветской Азии как «конкурирующих» ошибочно: *в оптимальном варианте евразийская интеграция могла бы служить дополнением к постсоветскому экономическому сотрудничеству, усиливая выгоды*

последнего. Это не означает что «сопряжение» интеграционных процессов не вызывает сложностей и что сотрудничество в рамках любой региональной группировки или любого соглашения на постсоветском пространстве автоматически совместимо с интенсивным экономическим сотрудничеством с азиатскими странами. Мы лишь утверждаем, что такой вариант взаимодействия *возможен*, но для этого постсоветская интеграция не должна быть протекционистской. В модели ТС — как уже было сказано выше, наиболее результативной интеграционной структуры региона — имеются существенные элементы защиты рынков. Впрочем, ситуация меняется к лучшему: в частности, поскольку Россия и Казахстан вступают в ВТО, единый таможенный тариф снижается до уровня менее 8%. Также следует отметить разработку новых стандартов и технических регламентов ЕЭП, полностью отвечающих требованиям ВТО и во многом совместимых с техническим регулированием ЕС. Эти действия закладывают основу более органичного сочетания двух евразийских интеграций.

* * *

Подведем итоги. В настоящее время можно — с определенными оговорками — констатировать наличие достаточно динамичного процесса евразийской континентальной интеграции, которая связана преимущественно с интеграцией снизу, то есть с растущими торговыми и инвестиционными потоками по всей территории континента. Эти потоки серьезно тормозятся инфраструктурными проблемами (что особенно существенно для некоторых субрегионов — например, Центральной Азии, не имеющей выхода к морю) и в определенной степени сдерживаются слабостью государственных структур и институтов во многих странах. Межправительственное сотрудничество в основном нацелено на решение этих вопросов. При этом в Центральной Евразии больше внимания уделяется инфраструктуре, а в Восточной Европе — институтам. Однако межправительственное взаимодействие явно отстает от развития экономических связей — и ситуация не изменится в обозримом будущем. Мы не ожидаем и не утверждаем, что межправительственное сотрудничество в Евразии может (или должно) охватывать все страны континента: оно скорее должно быть функциональным по характеру и основанным на множестве пересекающихся интеграционных группировок и соглашений, как двухсторонних, так и многосторонних, с участием правительств, субнациональных и наднациональных институтов.

С нормативной точки зрения, евразийская интеграция могла бы стать ключевой силой развития, движимой интеграцией в области торговли энергоресурсами и другими товарами, в транспортной сфере, потоками капитала и рабочей силы, туризмом, борьбой с наркотрафиком и эпидемиологическими угрозами. Продвижение к различным общим евразийским рынкам на основе развития общей инфраструктуры могло бы принести значительные экономические выгоды. При этом межгосударственное сотрудничество в Евразии может строиться исключительно на основе открытого регионализма, то есть сосуществования

многочисленных функциональных форматов, структур и организаций. Одной из ключевых предпосылок евразийской интеграции является понимание того, что региональные инициативы сотрудничества не взаимоисключают, а дополняют друг друга.

Для постсоветского пространства важным представляется само признание того обстоятельства, что с точки зрения региональной интеграции для стран СНГ следует говорить о *двух* евразийских интеграциях — постсоветской (Северная и Центральная Евразия) и континентальной (Евразийский континент). Этот вывод далеко не столь очевиден, как это иногда представляется. На самом деле, немалое число сторонников постсоветской евразийской интеграции принципиально отвергают континентальную евразийскую интеграцию; парадоксальным образом, «Евразия» в умах многих экспертов не включает «Европу»! Еще сложнее обстоят дела с сопряжением постсоветской интеграции, европейской интеграции и региональных группировок в Азии.

Если в 1990-е годы евразийская интеграция не была предметом серьезного анализа, то в настоящее время этот вопрос находит некоторое понимание. Как минимум в России и Казахстане его обсуждение уже переходит в область конструктивных дискуссий и постепенно внедряется на уровне государственных внешнеполитических доктрин. Восприятие постсоветской интеграции как «звена» континентальной интеграции в Евразии присутствует в программных текстах президентов России (Путин, 2011) и Казахстана (Назарбаев, 2011). А в мае 2012 г. был подписан указ Президента РФ, в котором задачи по интеграции на западном и восточном векторах закрепляются нормативно¹². Однако концептуальное и практическое значение евразийской континентальной интеграции остается маргинальным, ее потенциальная практическая значимость еще не осознана, а преодоление существующих противоречий остается насущной задачей.

Литература

- Абсаметова А., Винокуров Е., Джадралиев М. (2010). Интеграционные процессы в телекоммуникационном секторе стран СНГ. Алматы: ЕАБР. [Absametova A., Vinokurov E., Jadralliev M. (2010). Integration Processes in the Telecommunications Sector of the CIS. Almaty: EDB.]
- Быков А. (2009). Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. СПб.: Алетейя. [Bykov A. (2009). Post-Soviet Space: Strategies of Integration and New Challenges of Globalization. St. Petersburg: Aleteya.]
- Винокуров Е. (2008). Общий электроэнергетический рынок СНГ. Алматы: ЕАБР. [Vinokurov E. (2008). Common Electricity Market of the CIS. Almaty: EDB.]
- Винокуров Е. (ред.) (2010). Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР. Алматы: ЕАБР. [Vinokurov E. (ed.) (2010). System of Indicators of Eurasian Integration of the Eurasian Development Bank. Almaty: EDB.]
- Винокуров Е. (2011). О евразийской лингвистике // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 4. С. 3–4. [Vinokurov E. (2011). On Eurasian Linguistics // Evraziyskaya Ekonomicheskaya Integraciya. No 4. P. 3–4.]

---

¹² Указ Президента РФ № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», 7 мая 2012 г. www.rg.ru/2012/05/09/vn-polit-dok.html.

- Винокуров Е., Джадралиев М., Щербанин Ю. (2009). Международные транспортные коридоры ЕврАзЭС. Алматы: ЕАБР. [Vinokurov E., Jadralliev M., Sherbanin Yu. (2009). International Transportation Corridors of the EurAsEC. Almaty: EDB.]
- Винокуров Е., Либман А. (2010). Тренды региональной интеграции на постсоветском пространстве: результаты количественного анализа // Вопросы экономики. № 7. С. 94–107. [Vinokurov E., Libman A. (2010). Trends of Regional Integration in the Post-Soviet Space: Outcomes of Quantitative Analysis // Voprosy Ekonomiki. No 7. P. 94–107.]
- Винокуров Е., Либман А. (2012). Евразийская континентальная интеграция. СПб.: ЕАБР. [Vinokurov E., Libman A. (2012). Eurasian Continental Integration. St. Petersburg: EDB.]
- Гурова И., Ефремова М. (2010). Потенциал региональной торговли СНГ // Вопросы экономики. № 7. С. 108–122. [Gurova I., Efremova M. (2010). Potential of Regional Trade in the CIS // Voprosy Ekonomiki. No 7. P. 108–122.]
- ЕАБР (2012). Мониторинг взаимных инвестиций в СНГ / Под ред. А. Анисимова, А. Кузнецова. СПб.: ЦИИ ЕАБР. [EDB (2012). Monitoring of Mutual Investments in the CIS / A. Anisimov, A. Kuznetsov (eds.). St. Petersburg: CII EDB.]
- Евзеров Р. (2001). Глобализация и евразийский выбор // Свободная мысль. № 10. С. 59–67. [Evzerov R. (2010). Globalization and Eurasian Choice // Svobodnaya Mysl. No 10. P. 59–67.]
- Кузнецов А. В. (2006). Два вектора экспансии российских ТНК — Евросоюз и СНГ // Мировая экономика и международные отношения. № 2. С. 95–102. [Kuznetsov A. (2006). Two Vectors of Expansion of Russian TNCs — European Union and the CIS // Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya. No 2. P. 95–102.]
- Либман А. (2006). Газовый конфликт России и Украины и Европейский союз // Информационно-аналитический бюллетень Центра проблем интеграции ИЭ РАН. № 5–6. С. 32–62. [Libman A. (2006). Gas Conflict of Russia and Ukraine and the European Union // Informatsionno-Analiticheskiy Byulleten Centra Problem Integratsii IE RAN. No 5–6. P. 32-62.]
- Либман А. (2009). Интеграционные процессы в евразийском пространстве: особенности современного этапа // Россия и новые государства Евразии. № 4. С. 5–19. [Libman A. (2009). Integration Processes in the Eurasian Space: Specifics of the Current Stage // Rossiya i Novye Gosudarstva Evrasii. No 4. P. 5–19.]
- Либман А. (2010а). Интеграция крупных государств и потенциал экономического взаимодействия в Евразии // Россия и современный мир. № 4. С. 92–106. [Libman A. (2010a). Integration of Large States and Potential of Economic Interaction in Eurasia // Rossiya i Sovremennyy Mir. No 4. P. 92–106.]
- Либман А. (2010б). Оптимальное пространство евразийской интеграции // Россия и новые государства Евразии. № 4. С. 5–17. [Libman A. (2010b). Optimal Space of Eurasian Integration // Rossiya i Novye Gosudarstva Evrasii. No 4. P. 5–17.]
- Либман А., Хейфец Б. (2006). Экспансия российского капитала в регионе СНГ. М.: Экономика. [Libman A., Kheyfets B. (2006). Expansion of Russian Capital in the Region of the CIS. Moscow: Ekonomika.]
- Либман А., Хейфец Б. (2011). Модели экономической интеграции. М.: Экономика. [Libman A., Kheyfets B. (2011). Models of Economic Integration. Moscow: Ekonomika.]
- Малашенко А. (2011). Заметки о пространстве, именуемом постсоветским, и о том, что там делает Россия // Дружба народов. № 9. С. 135–152. [Malashenko A. (2011). Notes on the Space Called Post-Soviet One and on What Russia Does There // Druzhba Narodov. No 9. P. 135–152.]
- Назарбаев Н. (2011). От идеи к истории будущего // Известия. 25 октября [Nazarbaev N. (2011). From the Idea to the History of the Future // Izvestiya. October 25.]
- Путин В. (2011). Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3 октября [Putin V. (2011). New Integration Project for Eurasia — The Future Born Today // Izvestiya. October 3.]

- Спартак А. (2011). Евразийская перспектива постсоветской интеграции // Журнал Новой экономической ассоциации. № 11. С. 164–167. [Spartak A. (2011). Eurasian Perspective of the Post-Soviet Integration // Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii. No 11. P. 164–167.]
- Хейфец Б., Либман А. (2008). Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. М.: ЛКИ. [Kheyfets B., Libman A. (2008). Corporate Integration: Alternative for the Post-Soviet Space. Moscow: LKI.]
- Чернышев С. (2010). На пути к единой Евразии // Россия в глобальной политике. № 3. С. 36–48. [Chernyshov S. (2010). On the Way to a United Eurasia // Rossiya v Global'noi Politike. No 3. P. 36–48.]
- Шишков Ю. (1993). Интеграция и дезинтеграция: корректировка концепции // Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 50–69. [Shishkov Yu. (1993). Integration and Disintegration: Correction of the Concept // Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya. No 10. P. 50–69.]
- Ясинский В., Мироненков А., Сарсембеков Т. (2011). Инвестиционные аспекты развития регионального водного сектора. Алматы: ЕАБР [Yasinsky V., Mironenkov A., Sarsembekov T. (2011). Investment Aspects of Development of Regional Water Sector. Almaty: EDB.]
- Abu-Lughod J. L. (1989). Before European Hegemony. The World System A.D. 1250–1350. N. Y.; Oxford: Oxford University Press.
- Astrov V., Havlik P., Pindyuk O. (2012). Trade Integration in the CIS: Alternative Options, Economic Effects and Policy Implications for Belarus, Kazakhstan, Russia and Ukraine // WIIW Research Report. No 381.
- Baldwin R.E. (2004). Stepping Stones or Building Blocs? Regional and Multilateral Integration. Mimeo.
- Barigozzi M., Fagiolo G., Mangioni G. (2011). Identifying the Community Structure of the International Trade Multi-Network // Physica A. Vol. 390, No 11. P. 2051–2066.
- Bergsten C.F. (1997). Open Regionalism // World Economy. Vol. 20, No 5. P. 545–565.
- Boerzel T.A., Huellen V. van (2011). Good Governance and Bad Neighbors? The Limits of the Transformative Power of Europe // KFG Working Paper. No 35.
- Broadman H. G. (ed.) (2005). From Disintegration to Reintegration: Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade. Washington: World Bank.
- Broadman H. G. (ed.) (2007). Africa's Silk Road: China's and India's New Economic Frontier. Washington: World Bank.
- Chaudhuri K. N. (1985). Trade and Civilization in the Indian Ocean: An Economic History from the Rise of Islam to 1750. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coker R. J., Atun R. A., McKee M. (2004). Healthcare System Frailties and Public Health Control of Communicable Disease on the European Union's New Eastern Borders // Lancet. Vol. 363, No 9418. P. 1389–1392.
- Cornell S. E., Swanstroem N. L. (2006). The Eurasian Drug Trade: A Challenge to Regional Security // Problems of Post-Communism. Vol. 53, No 3. P. 10–28.
- De Benedictis L., Tajoli L. (2011). The World Trade Network. World Economy. Vol. 34, No 8. P. 1417–1454.
- Diamond J. (1997). Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. N. Y.: W. W. Norton.
- Dragneva R., Wolczuk K. (2012). Russia, the Eurasian Customs Union and the EU: Cooperation, Stagnation or Rivalry // Chatham House Briefing Paper REP BP 2012/01.
- Duernecker G., Meyer M., Vega-Redondo F. (2012). Being Close to Grow Faster: A Network-Based Empirical Analysis of Economic Globalization // EUI Working Paper. No 5.
- Feenstra R.C. (2003). Advanced International Trade. Princeton: Princeton University Press.
- Filippov S., Saebi T. (2008). Europeanization Strategy of Chinese Companies: Its Perils and Promises // UNU-WIDER Working Paper. No 55.

- Findlay R., O'Rourke K.H.* (2007). *Power and Plenty: Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton: Princeton University Press.
- Frey B.S., Eichenberger R.* (1996). FOCJ: Competitive Governments for Europe // *International Review of Law and Economics*. Vol. 16, No 3. P. 315–327.
- Garriga A.C.* (2009). Regime Type and Bilateral Treaty Formalization: Do Too Many Cooks Spoil the Soup? // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 53, No 5. P. 698–726.
- Gil-Pareja S., Llorca-Vivero R., Martinez-Serrano J.S.* (2010). Is There a Continental Bias in Trade? Mimeo.
- Gunn G.* (2003). *First Globalization. The Eurasian Exchange 1500–1800*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Herz B., Wagner M.* (2010). Multilateralism versus Regionalism? // University of Bayreuth Discussion Paper. No 1.
- Hettne B., Soederbaum F.* (2000). Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. Vol. 5, No 3. P. 457–472.
- Hourani G. F.* (1995). *Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times*. Princeton: Princeton University Press.
- Hurrell A.* (1995). Regionalism in Theoretical Perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order* / Fawcett L., Hurrell A. (eds.). Oxford: Oxford University Press.
- Kaiser M.* (2012). *Eurasia in the Making – Revival of the Silk Road*. Bielefeld: Transcript Verlag.
- Kaminski B., Mitra S.* (2010). *Skeins of Silk: Borderless Bazaars and Border Trade in Central Asia*. Washington: World Bank.
- Kaminski B., Mitra S.* (2012). *Borderless Bazaars and Regional Integration in Central Asia: Emerging Patterns of Trade and Cross-Border Cooperation*. Washington: World Bank.
- Kolstad I., Wiig A.* (2009). What Determines Chinese Outward FDI? // *CMI Working Paper*. No 3.
- Kubicek P.* (2009). The Commonwealth of Independent States: An Example of Failed Regionalism? // *Review of International Studies*. Vol. 35. Supplement S1. P. 237–256.
- Libman A.* (2007). Regionalism and Regionalization in the Post-Soviet Space: Current Status and Implications for Institutional Development // *Europe-Asia Studies*. Vol. 59, No 3. P. 401–430.
- Libman A., Obydenkova A.* (2013). Informal Governance and Participation in Non-Democratic Regional Organizations // *Review of International Organizations*. [forthcoming].
- Libman A., Vinokurov E.* (2012a). Regional Integration and Economic Convergence in the Post-Soviet Space: Experience of the Decade of Growth // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 50, No 1. P. 112–128.
- Libman A., Vinokurov E.* (2012b). Post-Soviet Integration and Interaction of Functional Bureaucracies // *Review of International Political Economy*. Vol. 19, No 5. P. 867–894.
- Libman A., Vinokurov E.* (2012c). *Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration*. Basingstoke: Palgrave MacMillan.
- Libman A., Vinokurov E.* (2013). Eurasian Economic Union: Why Now? Will It Work? Is It Enough? // *Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*. [forthcoming].
- Linn J., Tiomkin D.* (2006). The New Impetus towards Economic Integration between Europe and Asia // *Asia-Europe Journal*. Vol. 4, No 1. P. 31–41.
- Mansfield E. D., Milner H. V., Pevehouse J. C.* (2008). Democracy, Veto Players and the Depth of Regional Integration // *World Economy*. Vol. 31, No 1. P. 67–96.
- Mansfield E. D., Milner H. V., Rosendorff B. P.* (2002). Why Democracies Cooperate More: Electoral Control and International Trade Agreements // *International Organization*. Vol. 56, No 3. P. 477–513.

- Quoraboyev I.* (2010). Around the Names of Region: The Case of Central Asia // UNU-CRIS Working Paper. No 5.
- Remmer K. L.* (1998). Does Democracy Promote Interstate Cooperation? Lessons from the Mercosur Region // *International Studies Quarterly*. Vol. 42, No 1. P. 25–51.
- Sushko O.* (2004). The Dark Side of Integration: Ambitions of Domination in Russia's Backyard // *Washington Quarterly*. Vol. 27, No 2. P. 119–131.
- Tarr D. G.* (2012). The Eurasian Customs Union among Russia, Belarus and Kazakhstan: Can It Succeed Where Its Predecessors Failed? Mimeo.
- Tsygankov A.* (2003). Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking after the Soviet Break-Up // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 36, No 1. P. 101–127.
- Tzekina I., Danthi K., Rockmore D.N.* (2008). Evolution of Community Structure in the World Trade Web // *European Physics Journal B*. Vol. 63, No 3. P. 541–545.
- UN* (2007). Trade and Development Report. N. Y.; Geneva: UN.
- Vinokurov E., Libman A.* (2012a). Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. Basingstoke: Palgrave MacMillan.
- Vinokurov E., Libman A.* (2012b). Eurasia and Eurasian Integration: Beyond the Post-Soviet Borders // *EDB Eurasian Integration Yearbook 2012*. Almaty: EDB.
- Wallander C. A.* (2007). Russian Transimperialism and Its Implications // *Washington Quarterly*. Vol. 30, No 2. P. 107–122.
- Winters L. A.* (1996). Regionalism versus Multilateralism. World Bank Policy Research Working Paper. No 1687.
- Wirminghaus N.* (2012). Ephemeral Regionalism: The Proliferation of (Failed) Regional Integration Initiatives in Post-Soviet Eurasia // *Roads to Regionalism: Genesis, Design, and Effect of Regional Organizations* / T. A. Boerzel et al. (eds.). Aldershot: Ashgate.
- World Bank* (2009). World Development Report: Reshaping Economic Geography. Washington.
- World Bank* (2011). World Bank Migration and Remittance Factbook 2011. Washington.
- WTO* (2011). World Trade Report 2011: The WTO and Preferential Trade Agreements: From Co-Existence to Coherence. Geneva.
-

Two Integration Processes in Eurasia

Evgeny Vinokurov¹, Alexander Libman^{2,*}

Authors affiliation: ¹ Center for Integration Studies of the Eurasian Development Bank (St.-Petersburg, Russia); ² Frankfurt School of Finance & Management (Frankfurt am Main, Germany), Institute of Economics, RAS (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: alibman@yandex.ru.

The paper considers the evolution of the processes of the regional integration in the post-Soviet space and in the broader space of the Eurasian continent. It points out the main directions of the formation of the Eurasian continental integration from the point of view of the intergovernmental interaction, spontaneous economic ties and common infrastructure, as well as discusses the optimal framework of adjustment of regional groupings in the post-Soviet space to the process of Eurasian continental integration, taking into account the specifics of this process among the Western and the Eastern wings of the CIS.

Keywords: international trade, post-Soviet integration, Eurasian integration, open regionalism.

JEL: F13, F15.